УДК 94(474.2)

Я. Валге

Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г.[1]

Попытка осуществления 1 декабря 1924 г. в Эстонии коммунистического переворота была одной из попыток экспорта пролетарской революции. В 1923–1924 гг. такие попытки предпринимались в Германии, Болгарии, Польше, Румынии. К попытке государственного переворота в Эстонии обращались в самой Эстонии и в Советском Союзе как в межвоенный период, так и после войны[2].

В восстановившей свою независимость Эстонии исследования в этом направлении были продолжены[3]. Результатом этих публикаций стало то, что ход событий в Таллине был детально документирован. Ясно, что даже если бы при

[1] Перевод с эстонского выполнен А. И. Рупасовым.

[2] См., например: *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925; *Laurits K.* 1924. a. 1. detsembri sündmustest // Sõdur. 1932. N 51/52; *Кииремеес* (*X. Туммельтау*). Ревельское восстание 1924 г. // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931; *Нейберг А.* Вооруженное восстание // Там же; *Sunila A.* 1) 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959; 2) 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974; *Сунила А.* Восстание 1 декабря 1924 г.: опыт КП Эстонии в подготовке и проведении вооруженного восстания эстонского пролетариата 1924 г. и его истории. Таллин, 1982.

[3] Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996; *Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010. Эта же тема была рассмотрена в научно-популярном сборнике Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss. Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.

попытке государственного переворота удалось захватить ключевые позиции в Таллине, то долго они не могли быть удержаны. Следовательно, в действительности захват власти коммунистами нисколько не зависел от их действий, но только от того, насколько их поддерживала Москва.

Однако о подготовке попытки переворота в Советском Союзе написано очень мало. Эта тема впервые была лишь затронута Юри Антом, считавшим что инициаторами попытки переворота были коммунисты, однако Москва 29 ноября 1924 г. отдала распоряжение об отмене подготовки[4]. Деятельность советских дипломатов накануне и после попытки переворота в основном на документах Архива внешней политики МИД РФ описана прежде всего Юлией Михайловой и Вадимом Рогинским[5].

Таким образом, вопрос о причинах государственного переворота снова обсуждается и в настоящее время, в основном выясняется его подготовка в Советском Союзе. Что из себя представлял этот подготовительный план? Что им предусматривалось? Была ли попытка государственного переворота заранее обреченной авантюрой?

Имеющиеся для ответов на эти вопросы источники гетерогенны, по большей части советские материалы представляют собой шифрованную переписку[6]. Эти материалы Ленинградский областной партийный архив и Институт марксизма-ленинизма Центрального архива КПСС передали в Центральный архив ЦК Компартии Эстонии в 1946–1956 гг. Это, так сказать, рабочие документы, которые отражают обмен информацией обо всех изменениях, связанных с подготовкой переворота.

В первой части данной статьи отражен общий фон для подготовки государственного переворота в Эстонии, во второй части обосновываются подготовка и план государственного переворота, тогда как в третьей части кратко анализируется то, на какие силы рассчитывали эстонские коммунисты.

***

Программной целью Компартии Эстонии было сближение с Советской Россией. В Эстонии КПЭ была запрещена, однако распространение коммунистической идеологии, как и само название коммунизма, не были запрещены. КПЭ действовала прежде всего в профсоюзах и других рабочих организациях и участвовала в парламентских выборах под разными названиями. В конце 1922 г. в ней числилось 1300 членов.

[4] *Ant J.* Enamlik maailmarevolutsioon ummikus // Kas nad lahkusid Moskva? Lk. 15–16.

[5] *Михайлова Ю., Рогинский В.* Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.

[6] В настоящее время эти материалы хранятся в филиале Государственного архива Эстонии (Eesti Riigiarhiivi filiaal (ERAF)). Упоминаемые в данной статье адресаты — из дешифрованных писем.

На парламентских выборах в мае 1923 г., выступавшая под названием Рабочий народный единый фронт (Töörahva Ühine Väerind), она получила 44 000 голосов, что приблизительно в полтора раза больше, чем в 1920 г. Этот результат давал ей в обновленном парламенте Эстонии 10 мест.

С конца 1923 г. разгоравшиеся в Германии события способствовали популяризации коммунистов. В стране популярность коммунистов не прошла, так, на проведенных в декабре выборах в городские советы список Рабочего народного единого фронта получил в Таллине 36 % голосов, в Нарве и Пярну — 35 %[7].

В то же время с начала 1923 г. резко сократился экспорт в Советский Союз, а кроме того, урожай 1923 г. неожиданно оказался плохим. Экспорт леса также из-за погодных условий сократился, цены на экспортную древесину упали. Всё это негативно сказалось на экономике Эстонии. К экономическому кризису в конце 1923 г. добавился внутриполитический кризис, как и то, что Банк Эстонии негласно продал или заложил золотой запас государства. Началась острая внутриполитическая борьба.

Всё это, естественно, лило воду на мельницу коммунистов. По их мнению, наступающий экономический кризис являлся закономерным, был следствием развития капитализма, в Эстонии проявлявшимся особенно остро, так как Эстония не могла существовать экономически без России. С 1924 г. государственная власть, однако, начинает действовать — были арестованы около 200 легальных активистов-коммунистов. При этом эстонским коммунистам казалось, что симпатии к ним даже возросли, и даже с их точки зрения было логичным начать планирование вооруженного восстания. Вожди КПЭ скорее не были романтиками, считавшими очевидным, что удачное выступление зависит в большей степени от решения руководства Советского Союза, чем от их собственной деятельности в Эстонии. Для вооруженного мятежа необходима была масштабная поддержка России — как финансами, оружием, так и вооруженным вторжением.

Вероятно, вожди коммунистов-подпольщиков пришли к некому принципиальному решению о перевороте в феврале или марте 1924 г. По-видимому, конкретизировано это было 26 марта, когда в Петроград была послана шифрованная информация, согласно которой ЦК КПЭ решил послать Отто Рястаса в Россию[8]. Как звучало это принципиальное решение — взять ли курс на вооруженное выступление или спросить по этому пункту о решении руководства Советского Союза и Коминтерна — выяснить не удалось. Во всяком случае, в апреле секретарь ЦК КПЭ Отто Рястас[9], четыре года нелегально действовавший в Таллине, выехал в Россию.

[7] Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963. Lk. 97.

[8] Tallinnast EKP Venemaa büroole, 26.03.1924 // ERAF. 25–1–106, 6.

[9] Отто Рястас (1890–1938) — на подпольной работе в Эстонии в 1920–1924 гг., член ЦК КПЭ в 1920–1938 гг.

В Советском Союзе в то время проживала приблизительно тысяча семей эмигрантов последней волны из Эстонии, в их числе покинувшие Эстонию до оккупации ее Германией в феврале 1918 г., бежавшие в 1919 г. с красными в Россию, высланные из Эстонии, обменянные или скрывшиеся коммунисты, а также уголовники, у которых в Эстонии земля под ногами горела[10]. В 1923–1924 гг. в России царили голод и хаос, при этом не были видны плоды нового хозяйственного устройства. Это значит, что желание эстонских коммунистов вернуться в Эстонию победителями могло быть весьма сильным. Еще во второй половине XIX и начале XX в. в России проживало приблизительно 100 тыс. эстонцев. Большая часть из них за это время русифицировалась или жила в глуши, события в мире и в Эстонии их почти не интересовали[11].

В середине апреля 1924 г. Отто Рястас как представитель Эстонской секции принимал участие в работе Исполкома Коминтерна, а также в работе по координации политической стратегии. В Эстонии за подготовку отвечал Яан Анвельт. Секретарь российского бюро КПЭ Рудольф Вакманн[12] и сотрудник Разведывательного управления Штаба РККА Харальд Туммельтау[13] действовали в основном в Ленинграде и координировали подготовку у границы Эстонии. Вблизи эстонской границы, в Кингисеппе, действовал Хейнрих Тедер[14]. В сентябре Отто Рястас, Рудольф Вакманн и Харальд Туммельтау сформировали военный отдел Эстонской секции Коминтерна[15].

Фоном для их планов служила запутанная экономическая и внутриполитическая ситуация в Эстонии. Весной 1924 г. пришедшее к власти новое правительство предприняло радикальные шаги для оздоровления эстонских финансов, что первоначально с неизбежностью повлекло рост безработицы и усиление недовольства. Положительных результатов до осени не ощущалось.

[10] *Teppich-Kasemets W.* Põrandaaluste juhi paljastusi // Päevaleht. 1933. 15.02. По переписи населения 1922 г. в России проживали 1964 эстонских коммуниста (*Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 9).

[11] Аугуст Сунила утверждает, что «среди более чем 100 000 эстонцев, проживавших в основном под Ленинградом, на Кавказе, в Сибири и других частях Советского Союза, насчитывалось несколько тысяч членов партии и тысячи комсомольцев, которые по призыву КПЭ в любой момент были готовы как добровольцы вернуться на родину и бороться за установление власти трудящихся» (*Sunila A.* Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. Lk. 105). Сунила в данном случае преувеличивает. Михайлова и Рогинский также утверждают, опираясь на ошибочное суждение Сунила, что в Советском Союзе «проживало свыше 100 тысяч эстонцев, которые были готовы в любой момент по приказу ЦК КПЭ вернуться в Эстонию и сражаться за восстановление советской власти в Эстонии». (*Михайлова Ю., Рогинский В.* Мировая революция остановлена... С. 84–85).

[12] Рудольф Вакманн (1894–1937) — член ЦК КПЭ и Эстонской секции Коминтерна.

[13] Харальд Леопольд Туммельтау (1899–1938) — сотрудник Разведывательного управления Штаба РККА, в 1932–1934 гг. — военный атташе в Италии, комбриг (1936).

[14] Хейнрих Тедер (1889–1937) — с 1921 г. — сотрудник ВЧК, в 1924–1927 гг. — сотрудник 7-го Кингисеппского пограничного отряда.

[15] Kominterni Eesti sektsiooni sõjalise osakonna organisatsioonilistest alustest, 16.09.1924 // ERAF 24–1–272a, 4–6.

Эстонские коммунисты с начала весны широко использовали лозунг о присоединении Эстонии к Советскому Союзу, которое преподносилось как условие решения экономических проблем.

Однако в Москве не спешили с решением о государственном перевороте, быть может по той причине, что были заняты проведением в мае XIII съезда РКП(б), а в июне–июле — V конгрессом Коминтерна.

3 августа в Таллине коммунисты попытались провести демонстрацию, вероятной целью которой было стремление создать у руководства РКП(б) впечатление, что в Эстонии имеет место подъем революционных настроений. В этот день коммунистам в Таллине удалось собрать несколько сотен человек (хотя до Москвы была доведена информация о трех тысячах[16]), быстро разогнанных полицией. Митинг коммунистам провести не удалось[17].

Определенно где-то в период 3–11 августа было подготовлено письмо ЦК КПЭ секретарю ЦК РКП(б) Вячеславу Молотову о поддержке[18]. Ответа не поступило. 11 августа Рястас писал Вакманну из Москвы в Ленинград: «<...> здесь мы, черт возьми, топчемся на месте как каторжники в глине, никакого движения»[19].

12 августа, очевидно, Рястас от имени ЦК КПЭ заново обратился в ЦК РКП(б). В письме утверждалось, что в Эстонии следует ожидать выступления фашистов, однако эстонская армия находится скорее на стороне коммунистов. Сообщалось, что Политбюро ЦК КПЭ решило завершить подготовку восстания в течение 2–3 месяцев, лучшего момента для которого уже не будет. ЦК РКП(б) просили рассмотреть вопрос о восстании и в случае положительного решения снабдить ЦК КПЭ оружием, оказать активную помощь оружием и кадрами в Эстонии, высвободить для проведения планируемой подготовки коммунистов-эстонцев, разрешить приступить к вербовке добровольцев, а также утвердить первоначальную смету на трехмесячную подготовку в Советском Союзе[20].

И на это обращение ответа не последовало. Рястас сетовал в письме Вакманну: «Что до революционной работы, то эта штука здесь, очевидно, интересует всех не более, чем выращивание огурцов в городском саду»[21].

Вопрос о восстании был наконец заслушан на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 августа. Политбюро сформировало новую комиссию для изучения «предложения Х». В комиссию вошли Уншлихт и Мануильский[22].

[16] Политбюро ЦК РКП(б) –ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 274.

[17] Kommunistide järjekorraline meeleavalduskatse // Vaba Maa. 1924. 05.08; Meeleavalduse katse Tallinnas // Ühendus. 1924. 09.08; Sündmused pühapäeval Tallinnas // Päevaleht. 1924. 05.08.

[18] EKP Keskkomitee kiri VK(b)P Keskkomiteele, 12.08.1924 // ERAF. 24–1–272a, 1–2.

[19] Rästas Vakmannile, 11.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 117.

[20] EKP Keskkomitee VK (b) P Keskkomiteele, 12.08.1924 // ERAF. 24–1–272a, 1–2.

[21] Rästas Vakmannile, 21.08.1924. Dateeritud sisu järgi. ERAF // 24–1–298, 125.

[22] Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 273; *Михайлова Ю., Рогинский В.* Мировая революция остановлена в Таллине... С. 87.

Решение комиссией было теперь принято быстро. Уже 25 августа Рястас уверенно писал в Ленинград Вакманну и Пёёгельманну[23]: «Жребий выпал <...> в пользу нашего дела. О, нелегко, невозможно найти бомб для этих весов, теперь, кажется, всё миновало. “Кажется”, так как решение этой комиссии было первоначально доложено хозяину, но едва ли будет им изменено»[24].

Комиссия предложила создать новую постоянную комиссию, признать «нужной организацию защиты на случай выступления фашистов», сделать предложение комиссариату внешней торговли Советского Союза оказать экономическое давление на Эстонию, а также послать в Эстонию представителя, который ознакомится с общей атмосферой и обстановкой в КПЭ, а также через советский разведывательный аппарат выяснит настроения в эстонской армии[25]. Рястас комментировал решения комиссии так, что общим условием является следующее: первоначально Советский Союз к официальной помощи не прибегает, помощь только добровольцами, необходимо ставить вопрос так: «В случае осуществления у нас планируемого фашистами переворота нам следует дать отпор — организовать оборону». Вместе с тем он обращал внимание, что Политбюро РКП(б) не верит, что в Эстонии ситуация такова, как он ее рисует[26].

25 августа советская внешняя разведка переслала народному комиссару финансов Григорию Сокольникову, народному комиссару внешней торговли Леониду Красину и народному комиссару по иностранным делам Георгию Чичерину информацию, полученную из Эстонии 8 августа.

Это резюме ситуации в Эстонии было абсолютно неадекватным, даже карикатурным. В нем ситуация в Эстонии представлялась как находящаяся на грани краха. Трудящиеся, часть интеллигенции и крестьяне, у которых были маленькие хутора, ожидали в скором времени краха, тогда скорее осуществится объединение Эстонии с Россией и возникнут новые возможности для получения работы[27].

Вполне вероятно, что эта, полученная 8 августа из Эстонии информация происходила из эстонских коммунистических кругов. Но если Иностранный отдел ОГПУ сообщал ее таким образом руководству наркоматов финансов, по иностранным делам и внешней торговле, то не следует ли считать, что внешняя разведка Советского Союза доверяла ей, а также считать, что для совершения государственного переворота требуется лишь небольшой толчок.

Как писал 25 августа Рястас, предложение комиссии следовало передать «хозяину», т. е. Сталину. Уншлихт и Мануильский выступили с докладом

[23] Ханс Густавович Пёёгельманн (Пегельман) (1875–1938) — член ЦК КПЭ.

[24] Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126.

[25] Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126; *Михайлова Ю., Рогинский В.* Мировая революция остановлена в Таллине... С. 87.

[26] Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126.

[27] OGPU välismaa osakond Sokolnikovile, Krassinile ja Tšitšerinile, 25.08.1924 // ERAF. 138SM-1–22, 232–234.

на заседании Политбюро ЦК РКП(б) уже 28 августа. Политбюро решило одобрить предложения комиссии: «1) Придать деятельности эстонской компартии боевой характер, оказав ей содействие в подготовительных мерах по оказанию вооруженного отпора попыткам фашистского переворота. 2) Проверить через соответствующие органы экономическое и политическое состояние Эстонии и степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения. 3) Назначить постоянную комиссию в составе т.т. Уншлихта, Трилиссера, Мануильского, Чичерина и Рястаса для оказания содействия эстонской компартии. Созыв комиссии за т. Мануильским»[28]. Эту комиссию стали называть Эстонской.

Теперь Рястас писал Вакманну, что для набора добровольцев следует как можно скорее начать работу, а также подробно изучить пограничную полосу, чтобы атаковать оттуда в решающий момент. Рястас считал, что вопрос о вооруженном выступлении в настоящий момент не стоит, это еще предстоит выяснить. «Здесь полагают, что следует иметь склады на месте (т. е. в Эстонии. — *Я. В.*)». Рястас теперь полагал, что в Эстонию следует переправить то оружие из запасов, «которое добыли здесь»[29]. Это означало, что оружие, которое имелось у границы Эстонии, должно было быть сосредоточено для боевиков[30]. Что и было сделано.

На следующем заседании Эстонской комиссии было решено, что КПЭ следует развернуть массовую агитацию за вхождение Эстонии в состав Советского Союза и наладить разведку среди фашистов. Проживавшие в Советском Союзе коммунисты — эстонцы по происхождению — должны были встать на учет. Рястас и Берзиньш стали заниматься мобилизацией эстонских коммунистов и осуществлением в пределах Советского Союза их боевой подготовки[31].

12 сентября Отто Рястас подготовил аналитическую записку «Что происходит в “независимой” Эстонии?» В ней снова писалось о тяжелейшей экономической ситуации в Эстонии, буржуазия которой разделилась на враждующие группировки. Фашистское движение изначально планировало переворот на 1 мая, когда оно было отменено, между тем «ряд руководящих генералов отказались от такого откладывания». Швеция отказалась от экономической помощи, так как шведские банкиры считали Эстонию временным явлением. Революционная активность росла за счет всеобщей нищеты, так как хлеб подорожал более чем вдвое. Он утверждал, что настроения в армии повернулись в пользу федерации с Советским Союзом[32].

[28] Политбюро ЦК РКП(б) –ВКП(б) и Коминтерн. С. 273.

[29] Rästas Vakmannile, 28.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 127.

[30] Tummeltau Tederile, 19.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 24–27.

[31] Eesti komisjoni istungi protokoll, 03.09.1924 // ERAF. 24–1–72a, 100.

[32] *Rästas O.* Mis toimub «iseseisvas» Eestis? 12.09.1924 // ERAF 24–1–322, 13–14.

Однако теперь от советского полпреда в Эстонии Михаила Кобецкого стала поступать иная информация: в правящих кругах преобладает мажорное настроение, курс эстонской марки повышается, надежда на получение кредита от Англии оживилась[33]. Экономическая ситуация в Эстонии, действительно, с августа начала улучшаться.

24 сентября на заседании Эстонской комиссии было решено, что Рястасу следует в двухнедельный срок представить конкретный организационно-технический план подготовки «на случай возможных событий в Эстонии», приступить к формированию из проживающих в Советском Союзе коммунистов-эстонцев отряд общей численностью 300 человек, запросить у ЦК РКП(б) средства для приобретения 500 винтовок, 70 пистолетов-пулеметов «Томпсон» и 200 пистолетов «парабеллум»[34].

Рястас комментировал решение о запросе средств для приобретения оружия как меру предосторожности. «Странные люди, есть свои склады, но не дают, боятся провалов». План выступления был, однако, запрошен у подпольщиков Таллина, но от них ничего не было получено. Рястас полагал, что если в течение двух недель план из Эстонии не поступит, то он сам возьмется за него. Кроме того, зафиксировали, какое время подходит для удачного переворота в Эстонии. План Рястаса основывался на первоначальном выступлении подпольщиков Таллина, но он был готов осуществить его и сам. Он считал, что есть две возможности — вначале чистая диктатура, затем народное правительство вместе с Эстонской Рабочей партией. «Перед ними стоит задача “победы” Рабочей партии»[35]. Рабочая партия была левоцентристской партией, которая, кроме того, находилась в Эстонии у власти. «Народное правительство», по-видимому, было требованием Москвы, но могло быть и некой хитростью Рястаса, так как он, конечно, знал, что «победа» Рабочей партии, т. е. участие в правительстве, никоим образом невозможна. Было немыслимым представить, что после расстрела или ареста министров Рабочей партии коммунистами может быть сформировано коалиционное правительство с теми же коммунистами.

В конце сентября Рястас писал Вакманну о том, что при государственном перевороте можно принимать в расчет и мощное военное вмешательство Советского Союза. Руководство Советского Союза не было связано обещаниями, хотя и намекало, что готово будет оказать поддержку силой за границей, если переворот удастся. По мнению Рястаса, «нашим боевикам» следовало сразу доложить о большом успехе, чтобы «затем во время следующего акта, в котором не обязательно продвигаться особо далеко, в игру следует вступить профессионалам»[36].

[33] М. В. Кобецкий — В. Коппу, 22.09.1924. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54221. Л. 63.

[34] Eesti komisjoni istungi protokoll, 24.09.1924 // ERAF 24–1–272a, 135.

[35] Rästas Vakmannile, 24.09.1924 // ERAF. 24–1–298, 135.

[36] Rästas Vakmannile, 25.09.1924 // ERAF. 24–1–298, 137.

Понятно, что под «профессионалами» Рястас понимал красноармейцев. В отправленном Анвельту письме указывалось, что «в хорошем кругу считается», что если «удачно получится в первом акте — то во втором акте у профессионалов не будет ничего против совместной игры»[37].

Между тем деньги для приобретения оружия были получены и при посредничестве проводника поезда Москва–Таллин–Москва переданы через границу в Эстонию. В Эстонию были посланы и люди[38]. В ноябре у эстонской границы стали сосредоточивать снаряжение и рассылать вербовочные письма эстонским коммунистам в Советском Союзе. Их заверяли, что в Эстонии ожидается выступление фашистов, в силу чего КПЭ должна принять бой[39].

Во второй половине октября ОГПУ получило информацию, что гарнизоны у юго-восточной границы Эстонии, а также пограничная охрана приведены в состояние военной тревоги и ожидают выступления коммунистов[40]. 3 ноября полномочный представитель ОГПУ в Ленинградском военном округе Станислав Мессинг послал заместителю председателя ОГПУ Вячеславу Менжинскому, шефу советской иностранной разведки Михаилу Трилиссеру, а также начальнику контрразведки ОГПУ Артуру Артузову информацию, в которой сообщалось: «Так как правительство Эстонии и его органы контрразведки осведомлены, следует присмотреться к известным Вам мнениям, касающимся этого вопроса»[41].

10 ноября в Москве состоялось очень важное с точки зрения подготовки государственного переворота заседание эстонской комиссии, в котором приняли участие не только члены комиссии. Была заслушана информация Рястаса о ситуации в Эстонии и принято решение предупредить эстонских товарищей об ошибке выбора времени и недостаточной подготовке выступления. Пришли к мнению, что комиссия сможет сказать свое слово по вопросу о вооруженном восстании только тогда, когда получит полную информацию о степени технической подготовки. Также было решено ввести в комиссию «т. Ст.» (более чем вероятно, что речь шла о Сталине)[42].

Неделю спустя, 17 ноября, вопрос был поставлен и на Политбюро. Доклад был сделан кандидатом в члены Политбюро Михаилом Фрунзе. Было решено: «а) Одобрить предложения т. Фрунзе. б) Создать комиссию в составе т.т. Сталина, Зиновьева, Чичерина, Фрунзе, Троцкого и Уншлихта для проверки положения и проведения всех необходимых мер. Созыв комиссии за т. Фрунзе»[43].

---

[37] Ilmselt Rästas Anveltile, 24.09.1924 // ERAF. 25–5–13, 31. Письмо частично дешифровано.

[38] Rästas Pöögelmannile, 23.11 1924 // ERAF. 24–5–10, 85.

[39] Värbamiskiri Nõukogude Liidus elavale eestlasest kommunistile, 09.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 216.

[40] Pihkva kubermangu OGPU välisagentuuri voliniku õiend. 30.10.1924 // ERAF. 138–1–22, 148.

[41] Сообщение Мессинга Менжинскому, Трилиссеру, Артузову, 03.11.1924 // ERAF. 138SM-1–22, 146.

[42] Eesti komisjoni protokoll, 10.11.1924 // ERAF. 24–1–272a, 92.

[43] Политбюро ЦК РКП(б) –ВКП(б) и Коминтерн. С. 279.

Это был высший уровень. Органа более высокого уровня, чем эта комиссия, в то время в Советском Союзе сформировано не было.

Рястас писал теперь Вакманну и Туммельтау, что «тот большой начальник, у которого мы были (очевидно, Сталин. — *Я.В.*), распустил прежнюю комиссию и назначил новую — более широкую, но еще более авторитетную, в которой почти всё политбюро». Новой комиссией подготовлено письмо в Эстонию, проект которого Рястас видел и в котором, по его словам, «наша ситуация признана критической», считается, что «взрыв следует отложить до тех пор, пока залив не замерзнет», так как будем более защищены от «лодок Макдональда» (английского флота). Комиссия рекомендовала эстонским коммунистам-подпольщикам в первую очередь объявить народную республику, а месяца через два провести выборы. Рястас также писал, что рекомендация о замерзающем заливе дополнена с его стороны поправкой, что отсрочка может быть позволена, если не нанесет ущерба этому делу. «Я сделал это предложение намеренно, чтобы увидеть, насколько серьезно к нему отнесутся. Но свои дополнения считаю, что они делаются, чтобы выяснить, хотят ли они свалить с себя ответственность, чтобы при случае сесть нам на шею»[44].

Иностранный отдел ОГПУ во второй половине ноября подготовил более пространную справку об Эстонии. На этот раз это был компетентный анализ. Финансовое положение Эстонии считалось трудным, но не находящимся на грани краха. Указывалось на то, что на селе правительство пользуется поддержкой. Положение городских рабочих характеризовалось как тяжелое при большой безработице, но это не делало ситуацию взрывоопасной. Хотя и на этот раз отдавалось должное коммунистической риторике, но ситуация анализировалась по существу[45]. Адресаты этой справки должны были понять, что успешный переворот без масштабной внешней поддержки невозможен.

К 20 ноября 680 боевиков в Ленинграде, Москве, Кингисеппе, Тосно и Пскове были готовы к действию. В соответствии с планом действий боевики должны были в назначенное время прибыть к границе вооруженными и сведенными в две боевые группы. Северная группа должна была пересечь р. Нарва в 12 км севернее города Нарва и атаковать его. Считалось, что в Нарве к нападающим присоединяться отряды рабочих и расквартированные здесь эстонские военные. После захвата Нарвы следовало быстро продвигаться в западном направлении. Для поддержки операции, чтобы сдержать ожидаемые с запада эстонские бронечасти, следовало подорвать железную дорогу. Южная группа должна была быстро овладеть Изборском и Печорами (в то время входили в состав Эстонии). Рассчитывали на помощь местных крестьян и переход на сторону нападавших солдат расквартированного в Выру и Печорах 7-го полка Эстонии. Далее следовало продвигаться в сторону Выру, после захвата этого города

[44] Rästas Vakmannile ja Tummeltaule, 21.11.1924 // ERAF. 24–1–298, 196.

[45] OGPU välismaa osakonna õiend Eesti kohta. Novembri teine pool 1924. Dateeritud sisu järgi // ERAF 138SM–1–22, 301–334.

наступать в сторону Валги, а также в направлении Тарту. На вооружении у боевиков были также орудия[46].

Для контроля ситуации в штаб Туммельтау в Ленинграде 21 ноября прибыли два командира РККА. Они не были удовлетворены подготовкой. На следующий день прибыли более высокие чины из Москвы[47]. В южную группу боевиков были назначены новые командиры. Было решено, у границы Союза с Эстонией атакующие силы должны насчитывать 1000 боевиков в северной и 500–700 — в южной группах[48]. Прибывшие на место высокие чины в течение нескольких дней занимались координацией деятельности, интенсификацией подготовки и внесением корректировок в планы. 22 ноября была сформирована комиссия из 7 членов для «технического проведения дела»[49].

К 28 ноября в Советском Союзе были подготовлены 1000 человек, из них в Ленинграде — 400, в Москве — 20, в Пскове — 20, в Тосно — 30, в Кингисеппе — 20, кроме того, в Интернациональной военной школе примерно 300 человек и 200 латышских стрелков в Москве. 20 человек были отправлены в Нарву, тогда как 50 оставались в резерве вблизи города. Из-за границы Нарву должны были атаковать 500 человек. На юге к 30 сентября должна была сосредоточиться группа боевиков из 100 человек, а 200 латышей должны были прибыть на следующий день. Но, по полученным из Эстонии сведениям, погранохрана в Нарве была усилена, а в Печорах это должны были сделать 1 декабря[50].

В Москве в Политбюро тем временем пришли к мнению, что говорящие поэстонски коммунисты переоценивают свои силы. Рястасу стало известно, что новая информация, которая дошла до высшего советского руководства от полпредства СССР в Таллине, оказалась скептической в отношении коммунистического переворота. Рястас был этим встревожен[51].

29 ноября действовавший в Ленинграде Туммельтау послал 40 человек на исходные позиции, еще 40 человек должны были отправиться на следующий день. «Но потом пришло ваше категорическое распоряжение: “Все остановить” (?!)»[52]. Такое же распоряжение в телеграмме из Москвы получил 29 ноября

[46] Seisukord, 20.11.1924. Tegemist on ülevaatega riigipöörde ettevalmistamisest Nõukogude Liidus. Ülevaated koostati Leningradis ilmselt peamiselt Harald Tummeltau, aga võimalik, et osalt ka Rudolf Vakmanni poolt; Tummeltau Tederile, 19.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 60–62.

[47] В тексте документа они обозначены как «Три» и «Ар». Вполне вероятно, что под «Три» имелся в виду руководитель иностранной разведки Михаил Трилиссер.

[48] Seisukord, 23.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 37.

[49] Seisukord, 27.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 38; Seisukord, 23.11.1924 // ERAF 24–1–322, 37. Состав комиссии неизвестен, в документах они обозначены как «Вор», «Сал», «Мес», «Три», «Ар», «Ру» и «Ха».

[50] Seisukord, 28.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 39–40.

[51] Rästas Vakmannile, 27.11.1924 // ERAF. 24–1–298, 202.

[52] Tummeltau Rästasele, 30.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 72–75; Seisukord 30.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 41.

вечером Станислав Мессинг, остановивший переправку через восточную границу Эстонии из Кингисеппа группы из 10 человек[53].

30 ноября, очевидно, Михаил Фрунзе[54] объяснил в Москве Рястасу необходимость «временно, до получения информации» остановить организационную работу. Приостановление мотивировалось отсутствием информации о том, какими силами планируется осуществить задуманное и удастся ли вообще оно, так как из Таллина не поступило ответов на два письма Политбюро. Для Фрунзе было очевидным, что выступление плохо скоординировано в военном отношении с Советским Союзом. Рястас еще надеялся на то, что это всего лишь отсрочка: «Не знаю, но нас этот приказ о приостановке не очень огорчил <...> Делать мало-помалу, тайно, конспиративно <...>. По-моему, ранее 2-го шума не будет, если уже минувшей ночью не разразилось. Безусловно, остается пятый. Иного не остается, так как враг начеку. Значит, время есть»[55].

Отто Рястас был неправ. Времени не было. В то время, когда Рястас писал письмо, коммунисты в Таллине уже стреляли.

Вероятно, решение остановить переворот было принято «хозяином», т. е. Сталиным. Скорее всего, это решение было обусловлено внутренней ситуацией в Эстонии и оценкой сил эстонских коммунистов. Полученная из Эстонии в начале сентября информация вызывала сомнение у Москвы в отношении популярности эстонских коммунистов и их утверждений, что Эстонское государство быстро падет от небольшого толчка. Советское руководство должно было догадаться, что успешный переворот возможен только в результате масштабного внешнего вмешательства. Советское руководство должны были напугать перспективы оказаться в затяжном военном конфликте с Эстонией и, быть может, с Латвией и Финляндией, вслед за чем последовало бы обострение отношений с другими западными государствами. Помимо этих соображений, на этом решении сказалась борьба за власть в Москве, а также, быть может, случайные и иррациональные мотивы, некая смесь беспокойства, личного соперничества и политических интересов советского руководства. Кен и Рупасов исходили из того, что в советском руководстве рассматривали «восстание» в Таллине, в частности, исходя из внутриполитической борьбы за власть[56].

Почему же таллиннские коммунисты, несмотря на распоряжение советского руководства, стали действовать? Получили ли они приказ остановить подготовку переворота? Это не исключено. Но также не исключено, что распоряжение было получено 29 или 30 ноября, но таллинские подпольщики про-

[53] Vakmann Rästasele, 30.11.1924 // ERAF 24–5–10, 102.

[54] В письме Рястас обозначает это лицо как «Фр.». Поскольку Михаил Фрунзе был тем лицом, который должен был созывать комиссию Политбюро, т. е. ее председателем, то вполне вероятно, что именно он имелся Рястасом в виду.

[55] Rästas ilmselt Vakmannile ja Tummeltaule, 30.11.1924 või 1.12.1924 // ERAF. 24–1–298, 228.

[56] *Кен О., Рупасов А.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 // Страны Балтии и Россия: Общество и государство. М.: Референдум, 2002. С. 228.

игнорировали его. Так считали и эстонские организаторы в Советском Союзе. Обеспокоенный Вакман писал Рястасу 30 ноября, называя решение об отсрочке дурью, что они, т. е. руководство РКП(б), в этом могут нам здесь помешать, но Таллин они заставить не могут[57]. И в тот же день Рястас выразил мнение, что таллинские «товарищи всё же не могут исполнить таких директив, как бы “категоричны” они ни были»[58].

Более того, не исключено, что решение выступить 1 декабря и было принято в Таллинне только после того, как из Советского Союза поступило распоряжение остановить подготовку. Таллинские коммунисты отправили датированную 29 ноября шифрованную телеграмму, полученную в Ленинграде 1 декабря, в которой писалось: «Начало выступления назначено на 6 утра 1.12.24. Ни о какой отсрочке не может быть и речи»[59]. Акцент в этой телеграмме на невозможности отсрочки можно интерпретировать как реакцию на распоряжение об откладывании выступления. В этом случае подпольщики Таллина должны были действовать очень оперативно — отправить сразу же после получения распоряжения телеграмму о времени выступления и невозможности отсрочки.

Вероятно, вожди эстонских коммунистов полагали, что теперь, в конце 1924 г., имеется уникальная возможность для осуществления государственного переворота. Бесспорно, обоснованно. Экономическая ситуация в Эстонии стабилизировалась, и, казалось, Советский Союз постепенно утрачивал свой революционный динамизм. Вожди КПЭ стремились убедить советское руководство, что существует угроза фашистского переворота, и в силу этого дезинформировали Москву о своей большой и растущей популярности, предпосылки для которой создавала якобы безысходная экономическая и политическая ситуация в Эстонии.

Кроме того, вожди КПЭ кричали о возмездии за пролитую кровь. Нет оснований сомневаться в их коммунистическом фанатизме, мнении, что трудящиеся нуждаются в ином, более справедливом обществе. Во всяком случае, к концу ноября революционно настроенными девушками были сшиты красные флаги, один особенно большой — для башни Длинный Герман на Тоомпеа[60]. Поднятый на этой башне флаг показывал бы, в чьих руках власть в Эстонии.

Вечером 29 ноября руководители таллинской организации указали места сосредоточения боевых групп вечером следующего дня. Боевикам сказали, чтобы они начали разрабатывать план действий[61]. Пришли около 75 %, менее 300 человек. Кроме них пришли с десяток женщин-агитаторов, пытавшихся

[57] Vakmann Rästasele, 30.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 102.

[58] Seisukord, 30.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 41.

[59] Seisukord, 01.12.1924 // ERAF. 24–1–322, 42.

[60] *Roobach M.* Helge mälestus — Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965. Lk. 177.

[61] Anvelti ettekanne 1. detsembri ülestõusust osavõtjate konverentsil, 19.04.1925 // ERAF. 24–1–288, 41.

убедить рабочих присоединиться к восстанию[62]. План коммунистов предусматривал захват в Таллине неожиданным ударом важных в военном и политическом отношении объектов. Действовать начали в 5:30.

Самым большим достижением мятежников можно считать захват зданий правительства и парламента на Тоомпеа, а также находящегося там дома главы государства. Также был захвачен таллинский почтамт, но нет сведений, воспользовались ли отделениями телеграфа и телефона для призыва о помощи. Времени для этого было мало, так как уже к восьми часам коммунисты как с Тоомпеа, так и на почтамте были разогнаны. До полудня им удавалось удерживать последнюю опорную точку — аэродром в Ласнамяе. В Нарве, Пярну, Вильянди и Тарту выступлений вообще не состоялось. Осуществленные на железной дороге взрывы успехом не увенчались[63].

Без сомнения, коммунистам в Таллине удалась неожиданность. Но только эта часть плана и удалась. Все остальное не удалось. Потери нападавших составили 21 человек убитыми, кроме того были ранены 25 частных лиц и 16 военных. На боевых постах коммунистические боевики потеряли 12 человек, несколько десятков были арестованы. Судя по показаниям, в течение нескольких недель были арестованы еще полторы сотни участников переворота. Из 140 задержанных боевиков 42 были портовыми рабочими, из них 33 служили в отделениях советского «Доброфлота» и Центросоюза. Остальные были коммунистами-подпольщиками, прибывшими из Советского Союза военными, а также дворниками, чернорабочими и др. Фабричных рабочих, в соответствии с коммунистическими догмами которых следовало свергнуть буржуазию, было 8 человек[64]. Секретарь советского полпредства Филипп Нотович сетовал позже, что полпредство осталось без швейцаров и курьеров, а сотрудникам с 1 декабря пришлось охранять полпредство: «Все курьеры и швейцары, за исключением одного, прячутся или арестованы; ходят слухи, что некоторые из них застрелены»[65].

Военную подготовку бунтовщиков и их волю к борьбе оценить трудно, однако нет оснований для сомнений, что наибольшими энтузиастами были подпольщики-коммунисты и прибывшие из России боевики. В числе других могли быть и те, кто не верил, что дело дойдет до боя, а также ищущие острых ощущений и аферисты. Но у всех них энтузиазм поддерживался надеждой на военное вмешательство Советского Союза.

Проживавшие в Советском Союзе лидеры эстонских коммунистов сделали всё, чтобы это произошло. Телеграмма из Таллина, которой сообщалось, что на-

[62] *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 52; Reigo Rosenthal, Marko Tamming. Sõda pärast rahu. Lk. 703.

[63] *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 49–88; *Sunila A.* Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. aastal. Lk. 150–217; *Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Lk. 708–712.

[64] *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 92–93, 95–96.

[65] Нотович — Канторовичу, 10.12.1924 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.04. П. 47. Оп. 293. Д. 54221. Л. 153.

чало переворота назначено на утро 1 декабря и его нельзя откладывать, пришла в ленинградский штаб подготовки переворота в тот же день. В то же время поступил и развернутый доклад о состоянии подготовки переворота прибывшего еще 21 ноября для инспектирования подготовки командира РККА. Туммельтау сообщил полученную из Таллина информацию немедленно руководству сформированной из 7 членов комиссии и настаивал на броске на Нарву и Изборск. Руководство комиссии резко отрицательно отнеслось к этому. Затем ознакомились с докладом о состоянии подготовки переворота. Глава комиссии заявил, по словам Рястаса, со злорадной улыбкой на лице, что бойцов в Таллине мало, в армии только связи, у буржуазии — перевес сил, победа сомнительна. Затем состоялось заседание комиссии из 7 членов. В три часа были заслушаны доклады, по телефону консультировались с Ун (очевидно — с Уншлихтом), который подтвердил решение ничего не делать и выжидать. В 22:45 было получено сообщение от зарубежной агентуры, что в Таллине состоялось выступление коммунистов, но в течение трех с половиной часов было подавлено. Туммельтау счел эту информацию маловероятной и потребовал дополнительных сведений, также послать для связи подводную лодку или самолет. Это было отвергнуто[66].

Туммельтау и Вакман были не только в отчаянии, но и злились на своих товарищей не-эстонцев: «<...> спокойно едят яичницу и в глазах равнодушие — они не верят в революцию». Ночью услышали информацию советского информационного агентства о крахе выступления. «Вместе с тем у всех на лицах страшная боль <...> Даже если выступили 100 человек, все-таки, так быстро подавить... В 5 часов снотворное. Все одеты, словно всё еще ждут...»[67] Туммельтау проводит день в Кингисеппе, ожидая Тедера, чтобы «по-прежнему быть готовым»[68].

Следующий день принес разрушающие все надежды сведения. Организаторы переворота не-эстонцы трезво оценили ситуацию. Вакманн писал в Москву Рястасу: «Здешние русские товарищи дают отбой. Артур и другой человек из Москвы должны сегодня уехать»[69].

3 декабря Туммельтау писал Тедеру, что по косвенным данным бои в Эстонии продолжаются. Он настаивал, чтобы Тедер получил 2–3 человек для установления связи по ту сторону границы. Если удастся установить связь с товарищами в Эстонии и они попросят о помощи, то сразу собрать отряд боевиков, которому любым способом следует добыть оружие в России. Он подчеркивал, что русских не следует ставить заранее в известность, «они вообще против того, чтобы мы что-то делали»[70].

В то же самое время советские координаторы стали отзывать боевиков от границы назад. По сообщению Туммельтау, боевые группы требовали

[66] Seisukord, 01.12.1924 // ERAF 24–1–322, 42.

[67] Seisukord, 01.12.1924 // ERAF 24–1–322, 42.

[68] Tummeltau Tederile, 02.12.1924 // ERAF 24–1–299, 82.

[69] Vakmann Rästasele, 02.12.1924 // ERAF 24–5–10, 107.

[70] Tummeltau Tederile, 03.12.1924 // ERAF 24–1–299, 46–47.

действий, но начальство не давало обещаний. «Другими словами: “приказываю вам сложа руки сидеть до сих пор, пока грузы с трупами товарищей не начнут пахнуть за границей”»[71].

На следующий день Таммельтау отдал с горечью Тедеру распоряжение сосредоточиться на оказании помощи боевикам для возвращения их из Эстонии в Россию[72]. Наконец и другие эстонцы, руководившие государственным переворотом в Эстонии, признали 5 декабря итоги, так как от Тедера стало известно: «Сегодня отдан приказ об отпуске домой территориальных частей, из чего можно сделать вывод, что ничего активного на замышляется»[73].

***

Была ли попытка государственного переворота заранее обреченной авантюрой?

Эстонские коммунистические лидеры были склонны приукрашивать информацию или прямо лгать руководству Советского Союза, это, однако, не значит, что они сами выстраивали свои надежды и план действий на этой самой информации. Вероятно, эстонские руководители государственного переворота отдавали себе отчет — даже несмотря на агитацию за 1 декабря — что на масштабное сплочение рабочих Таллина и участников государственного переворота надеяться не стоит. Скорее они могли предполагать, что за первоначальным успехом последует мародерство и прочие потрясения.

Основным вопросом для успеха государственного переворота было отношение к нему эстонской армии. В 1924 г. коммунисты развернули в армии беспрецедентную агитационную деятельность, и эта деятельность имела определенный успех. В воинских частях и учреждениях армии сетовали на значительный рост прокоммунистически настроенных солдат[74]. В Таллине коммунисты надеялись привлечь на свою сторону солдат 10-го пехотного полка для борьбы с фашистским выступлением или по крайней мере ввести их в заблуждение, чтобы обеспечить их неучастие в подавлении попытки государственного переворота[75]. Туммельтау полагал, что переход боевиками границы в районе Печор получит поддержку местных крестьян, а также что на сторону коммунистов перейдет расквартированный в Вырумаа 7-й эстонский полк[76]. Видимо, эти соображения были искренними, однако достижение желаемого результата без вмешательства РККА было невозможным.

Хотя обязывающего обещания помощи «профессионалами», т. е. прихода Красной армии, дано не было, это не означает, что лидеры эстонских коммуни-

[71] Seisukord, 03.12.1924 // ERAF 24–1–322, 45.

[72] Tummeltau Tederile, 04.12.1924 // ERAF 24–1–299, 48–49.

[73] Teder Tummeltaule, 05.12.1924 // ERAF 24–1–298, 82.

[74] *Pajur A.* Kas kaitsevägi oli valmis // Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Lk. 31.

[75] *Saar J.* 1. detsember 1924. Tallinnas. Lk.77.

[76] Seisukord, 20.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 35.

стов не рассчитывали на вступление Красной армии. Боевики воодушевлялись помощью Советского Союза, который должен был прийти после того, как они продержатся сутки[77].

Возможно, ожидание прихода Красной армии не было основано на песке. По информации эстонских спецслужб, 2 декабря в Ленинградском военном округе были мобилизованы в 56-ю Московскую стрелковую дивизию (территориальная) у границ с Эстонией и Латвией 4 призывных возраста. 1 декабря частично был приведен в боевую готовность Балтийский флот[78]. Эти сведения просочились позже, а комиссар по иностранным делам Георгий Чичерин запрашивал «для личного сведения» у Фрунзе, имело ли это место. Чичерину ответили, что решение о пробной мобилизации принималось ранее, флот не получал никаких официальных распоряжений, однако внимание членов революционного совета флота было обращено на развитие событий в Эстонии[79]. Таким образом, советское руководство действительно считало возможным вступление в Эстонию, но похоже, что подготовка к этому в Красной армии и на Балтийском флоте не была доведена до высокого уровня. Из этого следует, что Чичерин не был осведомлен о подготовке. Советский полпред в Латвии Семен Аралов писал в своем докладе, что первые сообщения о государственном перевороте он получил в 12 часов 1 декабря: «Для нас это было полной неожиданностью, как и для латышей. Мне не известны детали восстания»[80]. Если глава внешнеполитического ведомства не был осведомлен в такого рода вопросах, то что говорить об осведомленности советских полпредов в Латвии и Финляндии. Эта также является доказательством того, что подготовка коммунистического выступления не была доведена до высокого уровня.

Всё же план государственного переворота лидеров эстонских коммунистов не был нереалистичным. Они могли исходить из того, что уже приход из-за границы боевиков внешнеполитически означал, что Советский Союз перешел Рубикон, тогда вступление в игру «профессионалов», т. е. Красной армии, стало бы просто логичным шагом. Даже невзирая на то, удастся ли продержаться в Таллине долго или нет. Естественно, они не записывали это в свои планы.

[77] *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 50.

[78] *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 42; Sõjaministeeriumi Kindralstaabi II osakonna kokkuvõte Nõukogude Liidu sõjalise olukorra kohta kuni 10. jaanuarini 1925. Jaanuar 1925. Dateeritud sisu järgi. ERA 634–1–13, 74; Ilmselt Sõjaministeeriumi Kindralstaabi II osakond Välisministeeriumi informatsioonibüroole. 1925. aasta algus. Dateeritud sisu järgi. ERA. 957–12–375, 94–95.

[79] Письмо Г. В. Чичерина М. В. Фрунзе, 10.01.1925 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244. Л. 112; Из РВСР Г. В. Чичерину, 12.01.1925 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244. Л. 113.

[80] Доклад С. Аралова В. Коппу, 03.12.1924 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244 Л. 12, 17–18.

References

Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996.

Ken O., Rupasov A. Moskva i strany Baltii: Opyt vzaimootnošenij, 1917–1939 // Strany Baltii i Rossiâ: Obŝestvo i gosudarstvo. M.: Referendum, 2002.

Kiiremees (*H. Tummel'tau*). Revel'skoe vosstanie 1924 g. // Očerki po istorii vooružennyh vosstanij. M., 1931.

Laurits K. 1924. a. 1. detsembri sündmustest // Sõdur. 1932. N 51/52.

Mihajlova Û., Roginskij V. Mirovaâ revolûciâ ostanovlena v Talline? 1 dekabrâ 1924 goda // Rossiâ i Pribaltijskij region v XIX–XX vv.: Problemy vzaimootnošenij v menâûŝemsâ mire. M., 2013.

Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss. Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.

Nejberg A. Vooružennoe vosstanie // Očerki po istorii vooružennyh vosstanij. M., 1931.

Politbûro CK RKP(b)–VKP(b) i Komintern. 1919–1943. Dokumenty. M., 2004.

Roobach M. Helge mälestus — Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965.

Rosenthal R., Tamming M. Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010.

Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925.

Sunila A. 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974.

Sunila A. 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959.

Sunila A. Vosstanie 1 dekabrâ 1924 g.: opyt KP Èstonii v podgotovke i privedenii vooružennogo vosstaniâ èstonskogo proletariata 1924 g. i ego istorii. Tallin, 1982.

Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963.

Список литературы

Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996.

Laurits K. 1924. a. 1. detsembri sündmustest // Sõdur. 1932. N 51/52.

Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss. Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.

Roobach M. Helge mälestus — Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965.

Rosenthal R., Tamming M. Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010.

Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925.

Sunila A. 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974.

Sunila A. 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959.

Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963.

Кен О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 // Страны Балтии и Россия: Общество и государство. М.: Референдум, 2002.

Кииремеес (*Х. Туммельтау*). Ревельское восстание 1924 г. // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931.

Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.

Нейберг А. Вооруженное восстание // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931.

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004.

Сунила А. Восстание 1 декабря 1924 г.: опыт КП Эстонии в подготовке и проведении вооруженного восстания эстонского пролетариата 1924 г. и его истории. Таллин, 1982.